

Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. руководством академика Ю.Д. Апресяна. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. 511 с.

Выход в свет этого словаря – бесспорно, одно из самых крупных событий в мировой лексикографии последних десятилетий. Казалось бы, этому утверждению противоречит то обстоятельство, что рецензируемый словарь включает всего 132 синонимических ряда (для сравнения: двухтомный Словарь синонимов 1970–1971 гг. под ред. А.П. Евгеньевой содержит около 4000 синонимических рядов [Словарь синонимов 1970–1971], а Словарь синонимов 1989 г. З.Е. Александровой – 11000 рядов [Александрова 1989]). Необходимо, однако, иметь в виду, что это лишь первый выпуск, за которым, надеемся, последуют другие. Однако основная причина столь резкого различия количественных характеристик сравниваемых синонимических словарей не в этом: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка неизмеримо богаче по информации (грамматической, семантической, прагматической), помещаемой в словарной статье. Это, в отличие от словарей Александровой и Евгеньевой, словарь другого типа, словарь актуальный. В Проспекте к словарю (1995 г.) отмечается, что словарь рассчитан на говорящего, предназначен для развития навыков устной и особенно письменной речи и потому "должен давать полную характеристику значений синонимов, их грамматических форм, типичных для них синтаксических конструкций <...> и лексико-семантической сочетаемости, а сверх этого должен включать перечень семантически родственных им лексем..." [Проспект: 29]. В рецензируемом словаре словарная единица (синонимический ряд) не есть нечто изолированное, оторванное от других рядов: детально описывается место ряда (и отдельных его членов) в лексической системе языка, дается полный перечень лексем, семантически

связанных с тем или иным синонимом (конверсивы, антонимы, гиперонимы, гипонимы, разного рода дериваты). Тем самым словарь содержит строго систематизированный большой фрагмент русской лексики (по нашим подсчетам – около 5000 слов).

Два указанных теоретических принципа словаря – активность и системность – связаны с третьим – интегральностью лингвистического описания, которая заключается в максимальной согласованности грамматики и словаря. Проводя в жизнь эти теоретические установки, авторы словаря предлагают, кроме богатейшей семантической информации, полную характеристику морфологических, сочетаемостных, синтаксических свойств синонимов (включая модели управления). В нем дается также информация, которая никогда раньше не описывалась в словарях, – информация о просодических и коммуникативных свойствах лексем. Неудивительно, что Новый словарь синонимов, несопоставимый по величине словника со словарями З.Е. Александровой и А.П. Евгеньевой, вполне сопоставим с ними по объему.

Непосредственным прототипом для Нового словаря синонимов послужил "Англо-русский синонимический словарь" (М., 1979 г.), реализующий концепцию, развиваемую Ю.Д. Апресяном с конца 50-х годов. Рецензируемый труд не имеет аналогов в мировой лексикографии. Однако, несмотря на его новаторский характер, следует говорить не о разрыве с мировой лексикографией, а о новом ее этапе. "Новую лингвистику" часто обвиняют (не всегда обоснованно) в пренебрежительном, "нигилистическом" отношении к традиционной русистике. Авторы Нового словаря синонимов и Проспекта к нему обвинить в этом

невозможно: они обнаруживают глубокое знание традиционной русской (и мировой) лексикографии и бережное отношение к ее достижениям (так, при установлении состава синонимических рядов они существенно опираются на Словарь синонимов З.Е. Александровой).

Новый словарь синонимов содержит 132 синонимических ряда, большинство из которых публикуется впервые, а остальные, публиковавшиеся ранее, существенно переработаны и дополнены авторами для нового издания.

Во Введении содержится описание 1) структуры словарной статьи и 2) лингвистической терминологии словаря. Этот второй раздел Введения содержит краткие, но чрезвычайно четкие и научно обоснованные определения многих терминов современной лингвистики и представляет самостоятельную ценность, особенно для студентов и аспирантов-филологов. Однако самое серьезное наше критическое замечание касается именно Введения. Видимо, опасаясь повторов, авторы не стали излагать в словаре даваемую в Проспекте теорию словаря, его место в синонимической лексикографии (русской и мировой) и т.п. Это, бесспорно, просчет авторов (и издателей): словарь теряет свою автономность, остаются непонятными некоторые не только теоретические, но и чисто технические вопросы (например, выделение значений того или иного слова, смысл и происхождение соответствующих цифровых индексов, типа *разумный* 2.1, *свободный* 9.1). Напомним в этой связи, что обширное теоретическое Введение академика В.В. Виноградова к первой Академической грамматике русского языка не помешало ей стать (и остаться до сих пор) лучшей грамматикой русского языка. Надеемся, однако, что в очередном выпуске рецензируемого словаря эта ошибка будет исправлена и в нем будет воспроизведена (разумеется, с необходимыми изменениями) теоретическая часть вводной главы Проспекта.

Словарная статья Нового словаря синонимов делится на девять зон (в которых выделяются подзоны): 1. Вход словарной статьи (сам синонимический ряд со стилистическими пометами, семантические группы внутри ряда); 2. Преамбула (место синонимического ряда в лексической системе); 3. Значения (содержательные сходства и различия между синонимами); 4. Примечания; 5. Формы (сходства и различия между синонимами по наборам морфологических форм); 6. Конструкции (различия между синонимами в наборах синтаксических кон-

струкций, в частности, в модели управления, в порядке слов); 7. Сочетаемость (сходства и различия между синонимами в лексико-семантической, морфологической, коммуникативно-просодической и иных видах сочетаемости); 8. Иллюстрации; 9. Справочные зоны (парадигматические семантические связи между членами синонимического ряда и другими лексемами – аналогами, конверсивами, антонимами, дериватами; библиография).

Несмотря на исключительное богатство приводимой информации и сложность структуры Нового словаря синонимов, содержащиеся в нем статьи написаны предельно просто, четко, без использования сложной символики (чем грешит, например, Толково-комбинаторный словарь современного русского языка И.А. Мельчука и А.К. Жолковского [Мельчук, Жолковский 1984]). Статьи рецензируемого словаря, каждая из которых, в сущности, представляет собой отдельную научную работу, вполне доступны (несмотря на большой объем словарной статьи) даже для неспециалиста.

Несомненным достоинством Нового словаря синонимов является композиционная и даже стилистическая унифицированность материала. Она достигается не только наличием четких теоретических установок и требований к содержанию и структуре словарной статьи (которых строго придерживаются авторы), не только тем, что статьи тщательно отредактированы научным руководителем работы, – важную роль сыграло то обстоятельство, что все без исключения статьи (в том числе и статьи, написанные научным руководителем) были всесторонне обсуждены на рабочих заседаниях Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова.

Словарь строится на богатом материале. Это машинный корпус текстов – свыше пяти миллионов словоупотреблений, а также собственные карточки авторов словаря. Использовались произведения русской литературы XIX–XX вв. (проза, поэзия, драматургия, мемуары, публицистика, газетные репортажи и т.п.). Важно отметить, что Новый словарь синонимов полностью преодолевает два существеннейших недостатка наших толковых и синонимических словарей: 1) архаичность, преобладающая ориентация на русскую литературу XIX в., 2) идеологизированность, обилие цитат из убогих, казенно-суконых (как они справедливо оцениваются в Проспекте) текстов советских вождей.

Новый словарь синонимов – вклад не только в лексикографию, но и в лексикологию и в теоретическую семантику. Поражает глубина семантического анализа синонимических рядов и отдельных их членов. После толкования синонимического ряда (т.е. общей части значения всех членов ряда) детально описываются сходства и различия между отдельными членами ряда, рассматриваются подгруппы внутри ряда, выделяемые по тому или иному признаку. Стремление к точности семантического анализа позволило авторам разделять **точные и неточные** конверсивы и антонимы, выделять наряду с синонимами **аналоги** (слова, близкие по значению с членами синонимического ряда, но все-таки “не дотягивающие” до статуса синонимов).

Чрезвычайно интересно входить в творческую лабораторию исследователей того или иного синонимического ряда. Тонкие наблюдения над семантикой отдельных слов и синонимических рядов позволили авторам выделить (практически в каждой статье) важные компоненты смысла, а также особенности употребления, которые обычно оставались незамеченными.

Разумеется, не со всеми принятыми решениями мы можем согласиться. Вот две конкретные “придирки”.

1) Семантическое своеобразие леммы *корпус 4* в контекстах типа *административный корпус санатория* и т.п. (тонко подмечается самим автором статьи!), а также особенности синтаксической сочетаемости настолько велики, что это препятствует, на наш взгляд, ее включению в синонимический ряд *дом1, здание, строение 2, постройка*. Может быть, точнее было бы говорить здесь об аналоге.

2) Автор статьи, описывающей слово *покойник*, выделяет два значения этого слова: *покойник1* (при описании человека после смерти, напр.: *На столе лежал покойник*) и *покойник2* (при описании человека до его смерти, напр.: *Покойник любил французские романы*). Нам это разделение представляется несколько искусственным; говорящие, нам кажется, не делят образ человека на два – до и после смерти, но присваивают покойнику “двойную ипостась”, нечто вроде: ‘взрослый человек, который до недавнего времени был живым, но в момент речи мертв’ (компоненты ‘взрослый человек’ и ‘до недавнего времени’ объясняют неправильность фраз **На столе лежал пятилетний покойник*; **Николай II был последним русским царем. Покойник отличался мягким характером*). В пользу неразграничения двух значений

слова *покойник* говорят примеры типа *Покойник и при жизни не отличался красотой*, где явно совмещены оба значения. Косвенным свидетельством в пользу такого понимания являются и некоторые примеры использования слова *труп*. Весьма показательна известная строка: *Знакомый труп лежал в долине той*. В романе “Дар” В. Набоков пишет: *«Вам никогда не приходило в голову, что лермонтовский “знакомый труп” – это безумно смешно, ибо он, собственно, хотел сказать “труп знакомого”, – иначе ведь непонятно: знакомство помертвевшее контекстом не оправдано»*. Действительно, неточность, но неточность очень показательная: даже в слове *труп* (казалось бы, обозначающем только мертвое тело!) человек до смерти и после смерти может мыслиться (пусть это понимание необычно) как нечто единое. Тем более это справедливо по отношению к *покойнику*.

Разумеется, в обоих рассмотренных конкретных примерах речь идет не об ошибках авторов словаря, а о возможности разного понимания некоторых сложных случаев, что вполне естественно.

Словарь чрезвычайно интересен также и в общетеоретическом плане, в частности, в связи с одной важной теоретической проблемой, которая оживленно обсуждается в последнее время и вызывает много споров, – проблемой “цельности” или “атомарности” лексических значений. Интуитивно ощущаемое предположение о единстве слова во всех его значениях явилось причиной резкой критики “атомарного” рассмотрения языковых значений, выделения большого числа значений одного слова (см., например, статью Н.В. Перцова [Перцов 1996]). Вряд ли, однако, даже самые ярые противники “атомарного” подхода смогут отрицать, что в синонимический ряд слово входит лишь “одним боком”, одним из своих значений, тогда как другие значения могут включаться в другие ряды, по значению иногда резко отличающиеся от первого. Так, прилагательное *пустой1.1* входит в синонимический ряд со словами *пустующий, опустевший, опустелый, порожний1* – ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’, а *пустой1.2* – в ряд со словами *полой, пустотелый* – ‘имеющий внутри пустое пространство, окруженное со всех сторон однородным материалом’, и члены двух рядов не взаимозаменяемы, ср.: *В пустой комнате свалены в углу старые стулья* (не: **В полой, пустотелой комнате...*); *пустые стебли тростника* (не:

*пустующие, опустевшие, порожние стебли...). Важно также, что это касается и морфологических, синтаксических, сочетаемостных свойств, которые иногда резко различны для разных значений одного слова.

Техническое исполнение книги выше всяких похвал: издательство Школа "Языки русской культуры", известное тем, что оно издает быстро и хорошо, превзошло здесь само себя.

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемый словарь знаменует начало нового этапа отечественной и мировой синонимической лексикографии. В нем облекаются в плоть и кровь теоретические положения, в течение десятилетий развиваемые академиком Ю.Д. Апресяном, и блестяще доказывается их жизнеспособность и практическая применимость. Несомненно, что рецензируемый словарь представляет громадный интерес не только для специалистов по лексикологии и лексикографии русского языка (для которых он станет настольной

книгой), но для самого широкого круга филологов, включая студентов, преподавателей русского языка, писателей, журналистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова З.Е.* 1989 – Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К.* 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Перцов Н.В.* 1996 – О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Прспект 1995 – *Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Прспект. М., 1995.
- Словарь синонимов 1970–1971 – Словарь синонимов русского языка: В 2-х томах / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1970–1971.

В.З. Санников